

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ

В ПЕРВЫЕ ДНИ ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА • 1981

Первые дни Октябрьской революции. Петроград в волнении. Все чего-то ждут. Смольный кипит народом... Здесь, в Смольном, расположился главный штаб большевиков - Военно-революционный комитет. Тут же находился и Владимир Ильич. Он приветливо здоровался с проходящими, расспрашивал их обо всех событиях дня и больше всего — о том, что делается там, у Зимнего дворца и на подступах к нему.

Весть о том, что Владимир Ильич в Смольном, быстро разнослась среди большевиков. Многие хотели его видеть и приходили сюда. В комнату стали заглядывать и посторонние. Особенно в неё стремились попасть корреспонденты различных газет, в том числе и иностранных.

Они, очевидно, заметили, что именно сюда идёт много народу, что здесь действует руководящий центр восстания.

Необходимо было ввести надёжную охрану.

В одной из комнат Смольного расположилось более пятисот вооружённых рабочих. Это были красногвардейцы. Для охраны решено было отобрать из них человек семьдесят пять.

Молодой, лет тридцати, красавец рабочий, с вьющимися из-под шапки кудрями, спокойно отдаёт команду:

— Стройся!

Мгновенно все на местах. Тишина: ни шороха, ни звука. У дверей замерли часовые. Командир сообщает, что нужно семьдесят пять человек, готовых на всё, даже на смерть.

Весь отряд сделал шаг вперёд и замер. Командир отобрал людей, назначил начальника и двух человек на смену ему.

— В случае чего... — хмуро заметил он и умолк.

Сейчас же заготовили пропуска. Пропуск №1 выдали Владимиру Ильичу.

— Что это? Пропуск? Зачем? — спросил Владимир Ильич.

— Необходимо. На всякий случай... Уже создана охрана Смольного. Прошу взглянуть...

Владимир Ильич выглянул в дверь и увидел отряд, стоявший в безукоризненном военном строю.

— Какие молодцы! Приятно смотреть! — восхищённо сказал он.

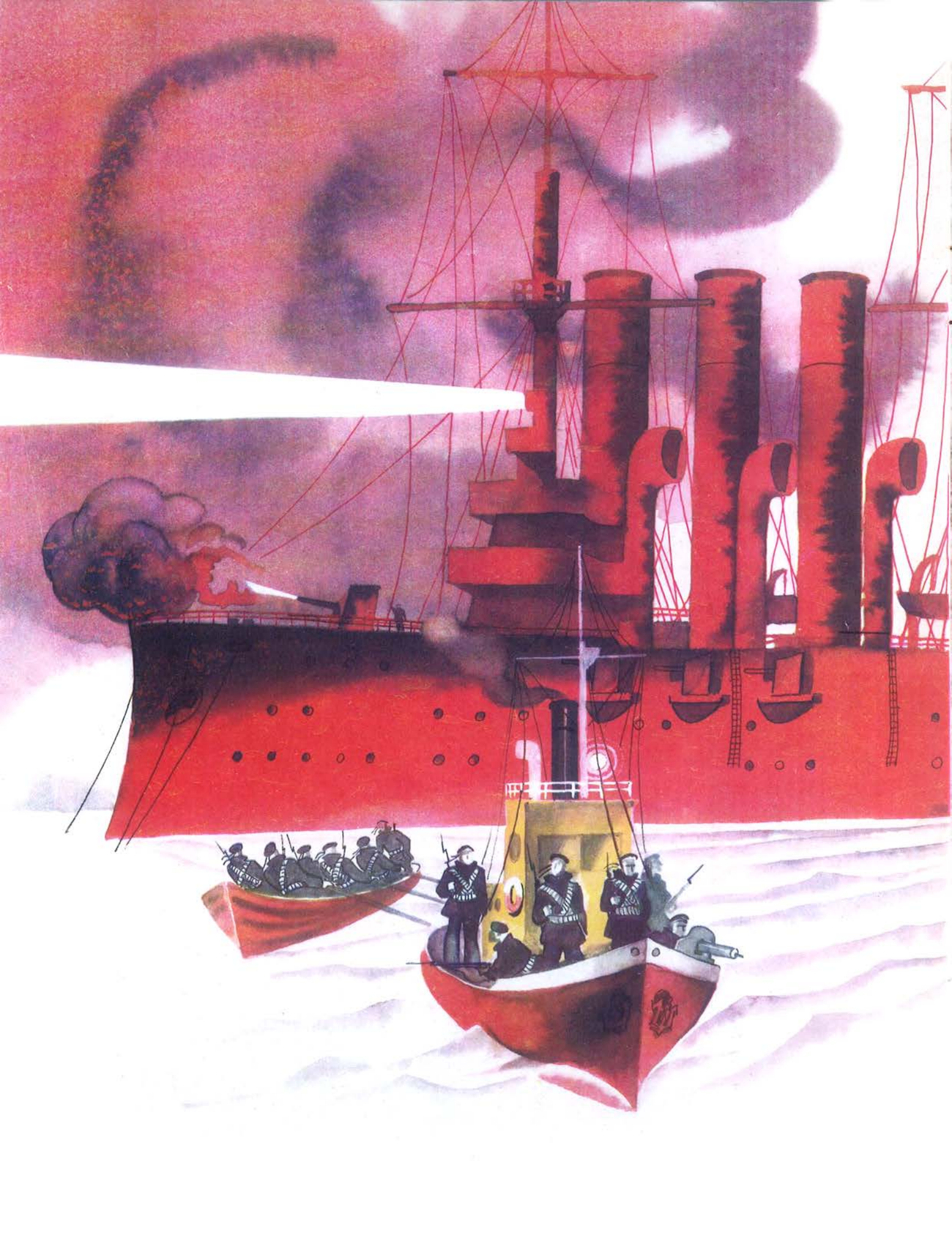
Часовые стали у входной двери снаружи и внутри комнаты.

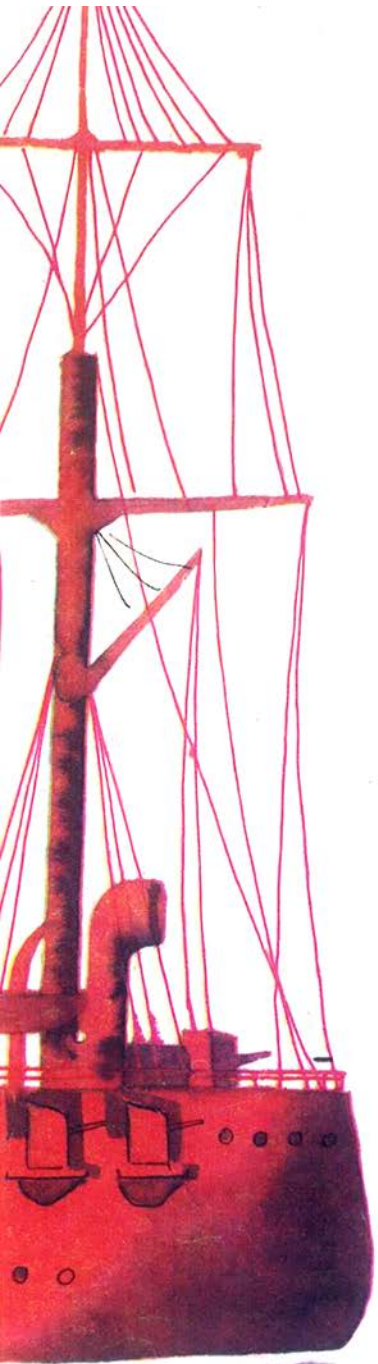
Начальник сейчас же установил связь с центральным отрядом.

Народ всё прибывал и прибывал.

* * *

Владимир Ильич был очень взволнован тем, что осада Зимнего дворца, в котором засели юнкера, охраняющие Временное правительство, затягивается.

Гвардейскому Павловскому полку, присоединившемуся к революционным войскам, был отдан приказ занять улицы, прилегающие к Зимнему.

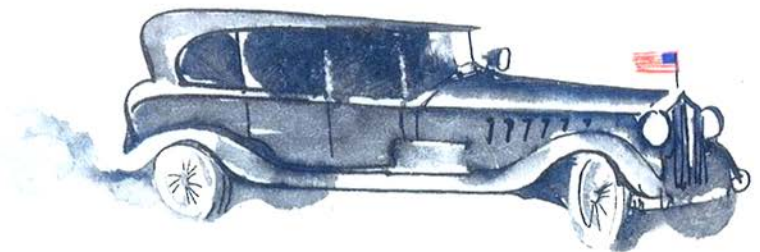
Полк залёг около самого дворца.

Подшли матросы. Они сразу же, не останавливаясь, быстрыми перебежками пересекли Дворцовую площадь и заняли подступы к Зимнему. Начался штурм. Он продолжался несколько часов.

Увлекая за собой солдат Павловского полка и красногвардейцев, матросы сильным ударом раскрыли огромные двери дворца и ворвались во внутренние помещения.

На Неве пришвартовался крейсер «Аврора». Ему дано было распоряжение повернуть орудия на дворец. Такое же приказание получила и Петропавловская крепость.

Пушки «Авроры» и Петропавловской крепости возвестили о начале штурма. Красногвардейцы, матросы и солдаты заняли главные пункты Зимнего — лестницы, ходы и выходы. В эту ночь, с 25 на 26 октября, Зимний дворец был взят революционными

большевистскими войсками. Временное правительство было арестовано и отправлено под караулом в Петропавловскую крепость.

Керенский, переодевшись в женское платье, тайным ходом вышел из Зимнего дворца и бежал в автомобиле американского посольства.

* * *

Скорым военным шагом по коридору торопится солдат-самокатчик, одетый в чёрную кожаную куртку и такие же шаровары. Через плечо у него дорожная сумка, которую он придерживает левой рукой.

— Где штаб Военно-революционного комитета? — обращается он к двум красногвардейцам, стоящим на часах у дверей.

— А тебе кого?

— Ленина! Донесение!..

Часовой оборачивается и говорит товарищу:

— Так что требуется разводящий... Прибыл курьер. Без пропуска... В штаб. Требуется Ленин...

Вышел разводящий, спросил, откуда и от кого курьер.

— Из Зимнего дворца... От главнокомандующего Подвойского.

— Идём...

— Донесение! — говорит самокатчик, входя в дверь соседней комнаты. — Требуется Ленин.

Владимир Ильич подходит:

— Что скажете, товарищ?

— Вы и есть Ленин?

Самокатчик с любопытством смотрит на Владимира Ильича; глаза его радостно поблёскивают. Он быстро отстёгивает клапан у сумки, достаёт листок бумаги, бережно подаёт его Владимиру Ильичу, берёт под козырёк и кратко рапортует:

— Донесение!

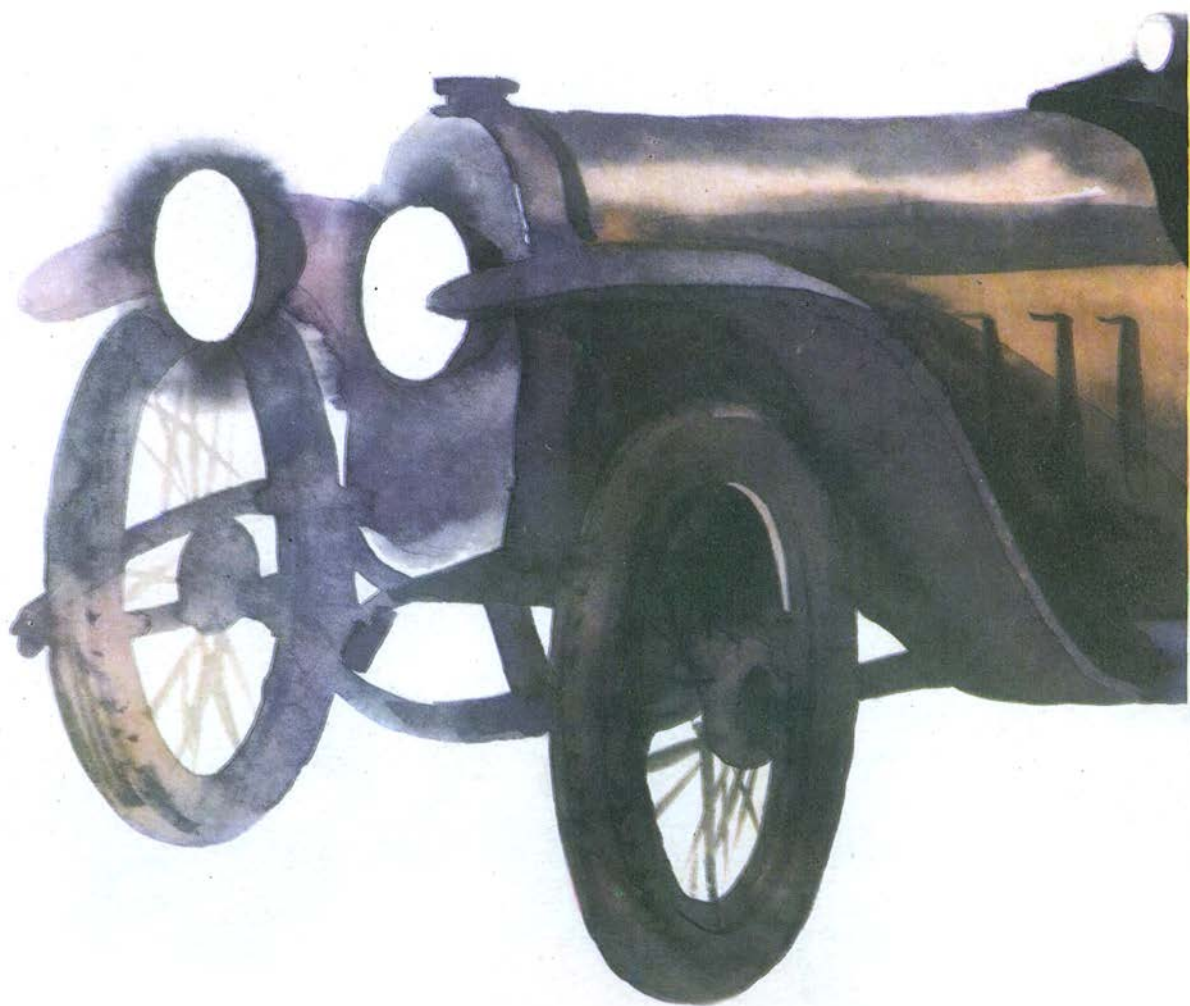
— Благодарю, товарищ, — говорит Владимир Ильич и протягивает ему руку.

Тот смущён и жмёт руку Владимира Ильича обеими руками. Улыбается, снова берёт под козырёк, резко, по-военному, поворачивается кругом и бодрым шагом уходит.

На ходу он кладёт в сумку листок бумаги, на котором расписался Владимир Ильич.

— «Зимний дворец взят, Временное правительство арестовано, Керенский бежал!» — вслух быстро читает Владимир Ильич донесение.

И только дочитал, как раздалось «ура», мощно подхваченное красногвардейцами в соседней комнате.

— Ура! — неслось повсюду.

Часа в четыре ночи мы, утомлённые, но возбуждённые, стали расходиться из Смольного.

Я предложил Владимиру Ильичу поехать ко мне ночевать. Заранее позвонив в Рождественский район, я поручил боевой дружине проверить разведкой улицы.

Мы вышли из Смольного. Город был не освещён. Мы сели в автомобиль и поехали ко мне домой.

Владимир Ильич, видимо, очень устал и подрёмывал в автомобиле. Поужинали кое-чем.

Я постарался предоставить всё для отдыха Владимира Ильича. Еле удалось уговорить его занять мою кровать в отдельной небольшой комнате, где к его услугам были письменный стол, бумага, чернила и библиотека. Владимир Ильич согласился, и мы разошлись.

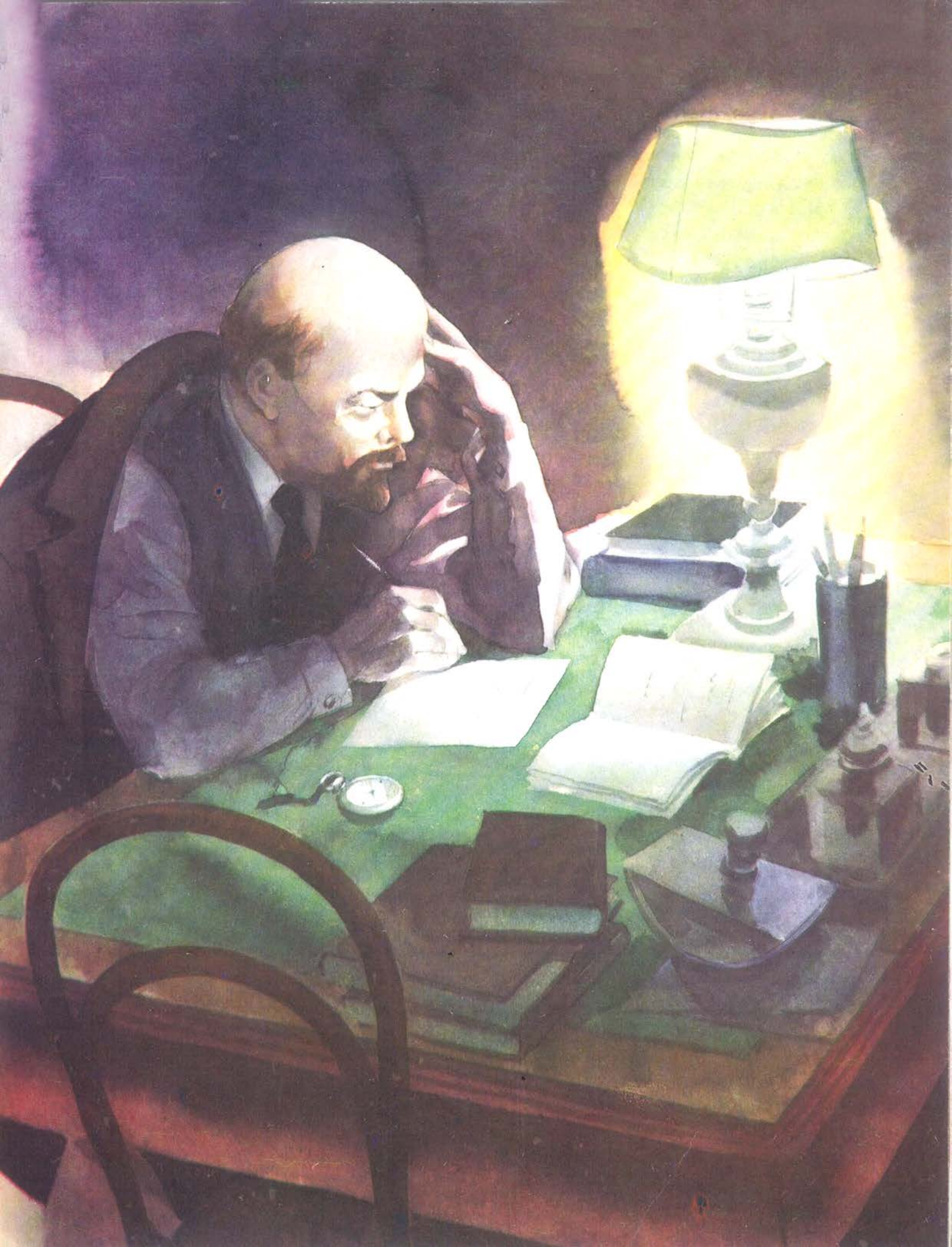
Я лёг в соседней комнате на диване и решил заснуть только тогда, когда вполне удостоверюсь, что Владимир Ильич уже спит.

Для большей безопасности я запер входные двери на все цепочки, крючки и замки, привёл в боевую готовность револьверы, думая, что ведь могут вломиться, арестовать, убить Владимира Ильича — всего можно ожидать!

На всякий случай тотчас же записал на отдельную бумажку все известные мне телефоны товарищей, Смольного, районных рабочих комитетов и профсоюзов. «Чтобы впопыхах не перезабыть», — подумал я.

Владимир Ильич у себя в комнате пога-

сил уже электричество. Прислушиваюсь: спит ли? Ничего не слышно. Начинаю дремать, и, когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет у Владимира Ильича.

Я насторожился. Слышу, как почти бесшумно встал он с кровати, тихонько приоткрыл дверь ко мне и, убедившись, что я «сплю», тихими шагами, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, подошёл к письменному столу. Сел за стол, открыл чернильницу и углубился в работу, разложив какие-то бумаги. Всё это мне видно было в приоткрытую дверь.

Владимир Ильич писал, перечёркивал, читал, делал выписки, опять писал и наконец, видимо, стал переписывать начисто.

Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда Владимир Ильич потушил огонь, лёг в постель и заснул. Забылся и я.

Утром я просил всех домашних соблюдать тишину, объяснив, что Владимир Ильич работал всю ночь и, несомненно, крайне утомлён.

Вдруг открылась дверь, и он вышел из комнаты, одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный, шутливый.

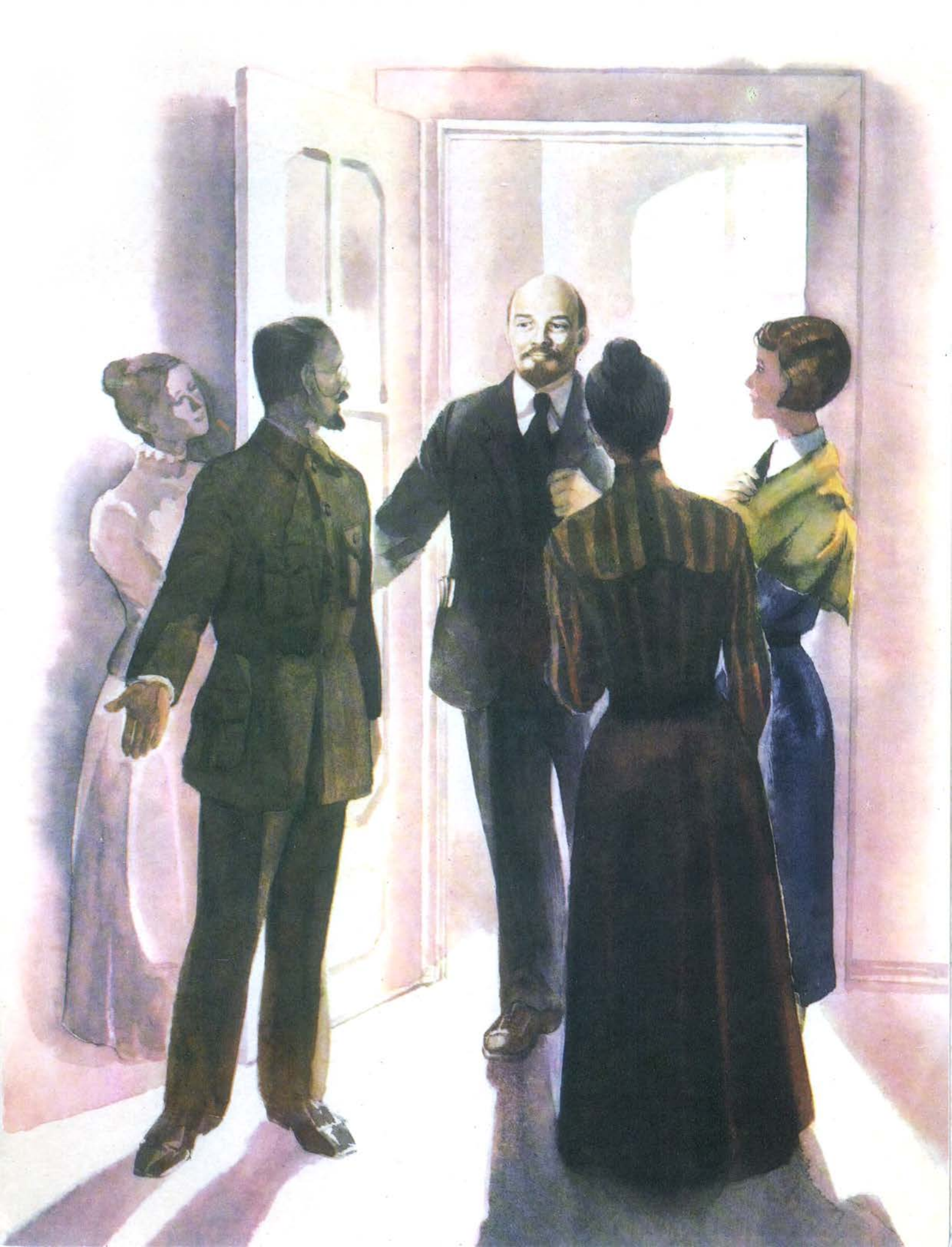
— С первым днём социалистической революции! — поздравил он всех.

На его лице не было заметно никакой усталости, как будто он великолепно выспался, а на самом деле спал самое большее два-три часа после напряжённого двадцатичасового трудового дня.

Подошли товарищи.

Когда собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана переписанные листки и прочёл нам свой знаменитый Декрет о земле, над которым он работал в эти решающие дни.

Вскоре мы двинулись в Смольный пешком, а потом сели в трамвай. Владимир Ильич сиял, видя образцовый порядок на улицах.

Вечером, на Втором Всероссийском съезде Советов, после принятия Декрета о мире, Владимир Ильич с особой чёткостью прочёл Декрет о земле, с восторгом, единогласно принятый съездом.

РИСУНКИ В. ТРУБКОВИЧА

для младшего школьного возраста

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич

В ПЕРВЫЕ ДНИ ОКТЯБРЯ

н/к

Редактор И. Пестова. Художественный редактор Ю. Поливанов. Технический редактор О. Кистерская. Корректор Н. Пьянкова. Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.07.86. 60х90/8. Бум. офс. № 1. Гарн. ж/рубл. Печать офс. Усл. печ. л. 2,5. Усл. кр.-отт. 10,0. Уч.-изд. л. 2,46. Тираж 600 000 экз. 1-й завод: 1 — 22 5000. Изд. № 10320. Зак. № 517. Цена 20 коп. По оригиналам издательства „Малыш“. 121352, Москва, Давыдовская ул. 5. Полиграфическая фабрика „Малыш“ Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 344092, Ростов-на-Дону, пр. Королёва, 7/19.

4803010102 - 230
M102 (03) - 87

Издательство „Малыш“ 1979